

PARACOSM

АСКЛЕПИАДА

фэнтези

МИО

ParaCosm

АСКЛЕПИАДА

Москва
МИФ
2026

От автора

Название истории образовано от имени бога медицины Асклепия (Ἀσκληπιός) с использованием формы на -άς/-ίς, закрепившимся за названиями эпосов. И так можно получить слово Ἀσκληπιάς, «Асклепиада», — эпос об Асклепии.

Благодарности. Илье Самородову, без которого у меня не было бы самого ценного, что нужно для истории, — времени. Елене Калюжной, чья чуткость помогла вдохнуть жизнь в каждую строчку. А также Алексею и Валентине Калюжным, без которых не смогла бы появиться я. За неоценимую помощь в медицинской части хочу поблагодарить Милену Александровну Коростелёву и Ильназа Гильмиярова. И конечно, не могу не поблагодарить чудесную Татьяну Малькову за её бесконечную поддержку. И также не могу не выразить признательность замечательному нейрохирургу, которая пожелала остаться неизвестной.

Посвящение. Как и прошлую книгу, «Асклеиаду» я посвящаю всем, кто выбрал идти нелёгким путём науки и медицины, — на протяжении всей истории человечества эта дорога была наполнена тяжёлыми выборами.

Дисклеймер. Некоторые исторические и организационные неточности допущены намеренно, чтобы сделать историю для вас более увлекательной. Приятного чтения.

Глава 1

— Послушай, Степан Дмитрич, — серьёзно начала Наташа. — Мы тебя командировать хотим. — Она выдержала значительную паузу.

Целлулоидно цыкали черепаховые часы на столе, со стены на нас с привычной строгостью смотрели портреты отцов коммунизма. Мне всегда здесь нравилось: большие окна, девизы, вымпелы. Чувствовалась порядок и спокойствие.

— И... куда?

— На Кубань.

«За Кубанью, за рекой, там казак гулял...» Помню запах пыли и душистых яблок у дороги, багряных, как раствор фуксина. Славное время, зелёные волны, солнце.

— Надолго?

Наташа вздохнула, не решаясь начать; ещё бы, командировать, когда у нас свадьба на носу! Уже за спиной перешёптываются: доколе ей в девках ходить, тридцать лет. Вот теперь опять что-то надо.

— Понимаешь... как бы *официально* ты туда едешь по запросу из горздрава. На самом деле подключился ОБХСС. Им в больницу якобы нужен ассистент хирурга с опытом работы в нейрохирургии. Хороший. Цепкий. Молодой. Вот такой, как ты. Но вот в чём тут всё дело... Я опишу, ты сам поймёшь. — Наташа подняла на меня внимательные чёрные глаза. За окном взвизгнул ребёнок. — В этой больнице проводят серьёзные операции. Говорят, даже профиль экспериментальный. Много людей туда попадает с тяжёлыми недугами: пороками развития,

органическими поражениями, травмами. Хотя смертность в таком деле оценивать сложно, а пожалуй что, высоковата... Кто-то говорит, там чуда совершают, а кто-то — что не больница, а умиральня. Но один из бывших сотрудников написал в их горздрав письмо с одним... *наблюдением*.

— А почему мы отозвались? — проворчал я. — Неужели ближе никого не нашли?

— Потому что ты был на Кубани на практике.

— И что?

Наташа хитро, как лисичка, сощурилась и провела сухой ладонью по картонной папке. Понижила голос:

— Они нашли несколько кандидатов, но, понимаешь... обещали большую премию. — Она, склонившись ко мне, шепнула: — Вот я и подсуежилась.

Я не смог не улыбнуться. Эх, Наташенька, настоящая хозяйка — всё в дом. Она продолжала:

— Вот твоя работа по распределению и станет предложом. Мол, впечатлились, вот и позвали. Чтобы со стороны всё выглядело неподозрительно. Видишь ли, Стёпа... — Тут голос у неё стал серьёзным. — Дело в том, что один твой коллега, некий Фёдор Горюнов, заметил, что в той больнице погибают при операциях почему-то... *определённые люди*. Такие, за кем никого не стоит. Тунеядцы, несемейные, беспартийные, незащищённые...

— То есть у кого средств и связей нет? Подозреваешь взяточничество? — напрягся я.

Если ОБХСС, значит, где-то был подкуп.

— Кто знает. — Наташа пожала плечами. — Может, и недобросовестность, и злоупотребления, и афера... Они, кажется, под этого их главврача копают. Комиссии нарушений не выявили, теперь решили подойти исподтишка. Вот мы и придумали с их ребятами и с, понимаешь, особыми людьми — из ОБХСС — удобный случай: сами, мол, просят начинающего специалиста прислать по кадровому распределению. Поезжай, посмотри. Как прояснится, тут же отправим тебя домой. Но заметишь ли что-нибудь или нет, пиши всё равно. Чем смогу, помогу. — Наташа взяла меня за руку. Пальцы подвижные, тонкие, как у фортепианистки. — Самый край — три месяца. Мы оформим тебе перевод.

Три месяца! Вот это у неё выдержка. У меня самого глаза уже на мокром месте. Нет, надо постараться быстрее. Чтоб неделю туда, неделю обратно. Чтоб ничего по учёбе не пропустить. А премия всё же... Это же и на фотоаппарат хватит, и на детские вещи... А если вдруг заговор крупный, то, может, на целого «москвича» накопим, колесить будем, в Казань съездим... Или нет! Встанем в кооператив!

— Ладно, товарищ секретарь, как скажешь, так и будет. — Улыбка, конечно, вышла натянутой, будто кетгутom подвязали к затылку. — По-коряюсь.

— Возьми-ка, — она вытащила из верхнего ящика пару конвертов, — тут сведения о деле. Едешь через две недели...

Я неприятно поразился: так скоро?

— Не переживай, на работе тебя подменят. — Она оставила ласковый поцелуй на моей руке. — И помни, если заподозишь, что переписку отслеживают, напишешь в письме, что «соседи шаркают». А если совсем всё плохо станет...

— Напишу, что «скоро похолодает», — закончил я за неё, усмехнувшись.

У нас было так: если «скоро похолодает», значит, с отправителем что-то ужасное произошло. На самом деле этот шифр ни разу ещё нам не пригождался. Хотя как-то раз я ей передал через лаборанта записку с «похолоданием», когда у нас в клинике ошенилась сторожевая собака. Наташа меня тогда сильно отругала. Но честно: я бы умер, если бы она на кутят не посмотрела, такие смешные были червячки!

По пути домой я принялся читать, что мне там Наталья Михайловна и Ко. подсунули. Поразительно, что больница хирургическая и всего на два отделения, да ещё каких! Нейро и торакальная. Чудно. Был список тех самых «незащищённых» и «антиобщественных», погибших в стационаре. И само письмо: *«Около полугода состоял в должности санитаря при больнице Липникова. Ходил за пациентами, помогал в морге»*. Липников... Который с методом дренирования плевральной полости. И это его-то подозревают? Он же старый-престарый дедулька, очки толщиной с фалангу. Как ещё в пыль не рассыпался? Помню, сидел на одной конференции в первом ряду с другими главврачами — казалось, дремал. Изредка только дёргался, когда раздавались аплодисменты после

выступлений, и начинал стучать своими бумажными ладошками, а потом опять оседал в кресле, как ворох тряпок. *«Василий Никанорович Липников ввиду возраста мало сам занимается оперативным лечением, при нём состоит хирург Чернышев Елезар Григорьевич. Он выполняет подавляющее большинство операций»*. Боже мой, да неужто *тот* Чернышев?

На той конференции в пятьдесят пятом собрали весь свет кубанской медицины. Это была моя последняя конференция как распределённого специалиста в Свердловдаре. После родного Куйбышева их городишко, конечно, выглядел игрушечным: был, может, раза в три меньше, и дома в нём казались ниже, и дороги короче — всё было, как бы сказать, компактнее. Даже жизнь там казалась медленнее, спокойнее и незначительнее. Жил там в комнатке в общежитии с одним милиционером.

Конференция была местная, в актовом зале клиники Буяльского. Врачи рассказывали, каких успехов добились, какие наблюдения сделали. Я немного скучал, потому что пока всё было не по моему профилю, больше об узких направлениях. Ну и вот начался доклад о новом больничном корпусе, стали перечислять, что в нём откроют. И вот встревает этот:

— Стоматологию вперёд торакальной хирургии! Ослы! — Не стесняясь в выражениях, мужчина ругал совет, выскочив на помост. — Ну же, граждане! — призывал он зал. — Неужели и вы так считаете? Неужели заодно с этими душегубами?!

Синюшный, с красными пятнами по всему лицу, тощий — халат болтался как на вешалке. Комично ужасно. Еле ходил — прихрамывая, с тростью, как дьячок.

Зал отвечал трибунальным молчанием.

— Позвольте! Да куда ж вам целое отделение? — поразился Кударин — их главный, это он тогда по корпусу выступал.

— С больной восьмёркой годами живут, а вы с остановившимся сердцем попробуйте! — Врачонка потряс своей палкой.

Поднялся шёпот, смех.

— Ну, так и с недостаточностью до девяноста, бывает, доживают. А кому надо, тех хоть до Москвы довезут. Вон и вертолёт с Лиманного летает. Делаем сообразно потребностям, — обстоятельно спорил

Кударин. — Зубы волнуют до восьмидесяти процентов граждан, а грудные проблемы — чуть более двадцати!

— Это кто? — шепнул я соседу, указывая на хилого докторишку.

— А, этот? — Сосед, покачивая газетой в руке, кривенько улыбнулся. — Чернышев. Наш сумасшедший. Теперь-то точно отстранят.

Я тогда ещё обратил внимание на угрюмого молодого ординатора, который в выглаженном сером пиджачке стоял в углу помоста. Видно, он страх как переживал, извертелся весь, только вот его лица не разглядел. Слова соседа оказались пророческими. Под конец нелитературного спора Кударин вскрикнул:

— Ну, знаете, хватит! Увольнения хотите?!

— Ах вот как! Да я сам уйду! — Враишка попытался горделиво выпрямиться, но вышло не лучше перекособоченной избы. Схватил за рукав своего стажёра, и оба покинули сцену.

— Да куда ж ты теперь пойдёшь, Григорич? — усмехнулся вслед Кударин.

— Стыдно, товарищ! — поддержал женский голос.

А с чем же этот Чернышев выступал-то тогда?.. Что-то по органам, кажется... А! Дурацкая тема! Перспективность теории нормотермической перфузии для сохранения извлечённой почки. Помню, я тогда подумал: мол, вот же оторванный от жизни человек. Что-то такое далёкое, из прикладного назначения только фокусы на животных показывать: вон как Демихов пересаживал собачьи головы. Смешно было бы, если б оказалось, что он задумал свои перфузии на тунеядцах проверять.

Который час-то?.. Половина седьмого — славно, Наташенька освободилась.

Вечер был тёплый, томный, внизу за оградой на песке ребята играли в волейбол. Дело шло к сентябрю, уже никто не купался, но с пляжа отдыхающих было не согнать.

— А я знаешь что подозреваю, Степан Дмитрич... — Наташа облокотилась на ограду набережной, задумчиво поглядела в стаканчик пломбира. — Что там целый сговор.

Я заинтересованно прибил к ней, будто невзначай касаясь плечом.

— Почему?

— Чтобы прятать преступление, все должны быть в доле, все должны покрывать. И главврач больше всех. Это ведь дело коллектива, тяжело не заметить...

— А какой толк?

— Да кто их разберёт. Я склоняюсь к взяткам. — Наташа потянулась, поглядела на отблески солнца на поверхности Волги. — Степан Дмитрич, меня знаешь что ещё в этой истории тревожит?.. Я справки навела, Липников ведь — с мутным происхождением. — Наташа сморщила нос; она редко хмурится, но совершенно изумительно морщится. Будто лайка на ежа. — Вот ты знал, что Липников этот — переименованный Мешагин? И я не знала. Должно быть, хитрюга! Буржуй или из «бывших»... Эту его дачу-санаторий национализировали, но при нём же и оставили. А после войны ещё и его именем обозвали. И главным там сделали! А это как-то не по-советски. Понимаю, конечно, — продолжила Наташа, — он там своего рода светило, придумал свой этот... как его?

— Метод дренирования плевральной полости, — поддакнул я. — На четвёртом курсе проходили — метод по Липникову.

— Вот-вот. Должно быть, Липников там главный с этими смертями. Подозреваю, что с его лёгкой руки сотрудники участвуют и скрывают... Ты уж постарайся им как-то в доверие втереться, лучше тебя никто не сумеет.

Я приосанился. Этим талантом я гордился — за всю жизнь не завёл ни одного недоброжелателя: вот как родился, так сразу всем и понравился. Ну, кроме Наташи и её отца. Но это только поначалу.

— А с ними только подхалимством, — согласился я. — Видно, сама судьба нас тогда уберегла, что с датой не сговорились... Чего смеёшься?

Наташа, хихикая, уткнулась мне лбом в плечо.

— Да дядя Слава — он ж опять небось занавески захочет нам всучить. Эти, жёлтенькие свои. Вот спорим, на свадьбу их нам подарит?

— А знаешь, что он в прошлый раз мне написал?

— Ну?

— Со своей гипертонией он не придумал ничего лучше, чем спросить собутыльника, бывшего сантехника. А тот ему сказал, что понизить

давление вредно. Знаешь, чем подкреплял? Мол, если в забитых трубах упадёт давление, то вода не дойдёт до верха. Так, пишет, и в сосудах: понизили давление — и кровь до головы не добирается. Получается инсульт!

— Оригинально. — Наташа иронически похлопала меня по руке. — Ты кардиологу расскажи, ему премию выпишут за открытие.

Дядя Слава — это старший брат моей матушки. Он у нас один из тех, кого войной по голове ударило в прямом и переносном смысле: прилетел осколок в лобную долю, случилась контузия, и с тех пор он стал чудить.

Меня война застала на одиннадцатом году. Я её встретил в тылу, у нас в Куйбышеве. Вспоминать больно, как я поначалу чувствовал какой-то ажиотаж и... не будет сказано в мою честь, но радость. Все мы были уверены, что уж через пару если не дней, так месяцев услышим победные сводки. И будет война точно как наша, дворовая — игрушечная.

Мы с матушкой, фельдшерницей по профессии, жили возле эвакогоспиталя, и каждое утро, начиная с осени, привозили *их*. В пятнах, отёках, грязных бинтах, безногих, безруких, в гнойниках и с ямами в головах. Вереница, медленная и тугая, как похоронный караван, вползала в ворота под нашими окнами на ржаво поскрипывающих телегах. Раненые сюда поступали, как правило, примерно на пятый, а то и десятый день, что означало, что в ранах уже копошились мясные мухи. И лишь гораздо позже я понял, что даже так мы всё равно не видели реальности, потому что до нас успевали доехать лишь те, кому по-настоящему повезло.

Как стало понятно, что дело на фронте плохо, я напросился санитаром в мамин госпиталь. Учёба всё равно шла со скрипом, не до неё было: в школах открыли больницы, учебные смены были короткие. Трудились все начиная с десяти лет. В основном, конечно, на заводах — тогда ежедневно с наших конвейеров уходило по двадцать ИЛов, — а я дежурил в бараках. Носил воду от колонки, помогал мыть раненых, разносил пайки, менял-стирал бельё и бинты: у нас один бинт двадцать ран переживал. На каждую медсестру по шесть добровольцев-санитаров, и половина — школьники да студенты.

Я быстро с концами переехал в госпиталь. Смысл было тащиться домой, когда круглые сутки кому-то требовалась помощь? Вынести утку,

дать воды, покормить. Странно мы тогда жили. В перерывах между стиркой играли в резиночки во дворе, пока в коридорах стонали раненые с разmozжёнными суставами. Иногда Наташа меня подменяла. Спали по очереди, учились, сидя между койками и пользуясь подсказками солдатиков, бегали им за махоркой.

Главным в госпитале был наш хирург, Бесарион Васильевич Нижин. Уже в почтенном возрасте, столько войн пережил: и Зимнюю, и Халхин-Гол, и при Польше успел побывать. Самого Вишневского знал. При нём всё работало как часы. В армию из нашего госпиталя возвращались рекордные семьдесят процентов, а ведь мы специализировались на костно-суставных и черепно-мозговых, обрабатывали все виды травм опорно-двигательного аппарата. Нижин был медик ещё старого образца — обстоятельный, неторопливый, что не мешало ему везде успевать, богобоязненный, и прибавлял к словам «с»: ну-с, так-с, позвольте-с... Среди добровольствующих подростков он регулярно высматривал тех, кто подаёт надежды, кто учится на курсах, рвётся к знаниям, у кого рука лёгкая. Приметил и меня.

Мне-то, конечно, всё давалось проще многих, меня ведь ещё ма-тушка учила. Читала на ночь пособия по первой помощи, рассказывала про Бехтерева, Мечникова, Сулову, Шабанову, Боткина. Давала атласы поиграть. Выдумывала всё так, чтобы звучало как сказка: «Давным-давно жил да был в Харьковской губернии один юноша, любил смотреть за морскими звёздами...»

Нижин подключил меня вначале к инъекциям, потом к обходам, вместе с другими желающими брал смотреть операции. Кажется, тогда то я и понял, что хочу уйти в травматологическую хирургию. Прямо в процессе, на свой манер, степенно и основательно, будто в анатомическом театре, Бесарион Васильевич разяснял нам теорию, пользуясь практикой как пособием. А на умерших давал перед сном потренироваться, показывал, рассказывал, как работает организм. Медиков тогда не хватало — вернее как, говорили, плохих хоть отбавляй, а хороших днём с огнём не сыскать, — так что госпитальный совет эту его затею оценил положительно.

Как мне исполнилось четырнадцать, Бесарион Васильевич даже разрешил чуть-чуть ассистировать, я ему уж больно нравился.